

Научная статья
УДК 340.15
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-18-24>

**Становление и развитие правового регулирования
процессуальных отношений в России в X — начале XX века:
источники, периодизация**

Минникес Ирина Викторовна

Институт правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия,
ivminnikes@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2550-8949>, ResearcherID E-6361-2017

Аннотация. Статья посвящена формированию и развитию системы источников права, регулировавших судопроизводство в России на протяжении X — начала XX века. Предложена авторская периодизация форм правового регулирования российского процесса. Установлено, что правовое оформление процессуальных отношений проходит несколько этапов, начиная от регулирования посредством разрозненных норм и заканчивая процессуальными кодексами. На первом этапе регулирование децентрализовано, процессуальные нормы рассредоточены в текстах разных источников права и смешаны с предписаниями материального характера. На втором этапе, этапе «поляризованного» права, процессуальные нормы собраны в основном в нормативных актах государства, например, Судебниках, дополненных нормами иных актов и источников права. Но, как и ранее, в данных актах процессуальные предписания смешаны с материальным правом. Третий этап — это этап централизованного регулирования. На третьем этапе регулирование процессуальных отношений целиком монополизировано законодателем. Были приняты целевые процессуальные акты, например, Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 года. Заключительный четвертый этап характеризуется принятием кодифицированных процессуальных актов, в частности «Законов о судопроизводстве и взысканиях гражданских» и «Законов о Судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», входивших в Свод законов Российской империи, а с 1864 года — самостоятельных Уставов гражданского судопроизводства и уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: источники права, история права, история права России, процессуальное право, судопроизводство, процесс

Для цитирования: Минникес И. В. Становление и развитие правового регулирования процессуальных отношений в России в X — начале XX века: источники, периодизация // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 18—24. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-18-24>.

Original article

**Formation and development of legal regulation
of procedural relations in Russia from the X to the beginning of the XX century:
sources of law, periodization**

Irina V. Minnikes

Institute of Legal Research of Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation,
ivminnikes@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2550-8949>, ResearcherID E-6361-2017

Abstract. The article is devoted to the formation and development of a system of sources of law that regulated judicial proceedings in Russia during the X beginning of the XX century. The author's periodization of the forms of legal regulation of the Russian process is proposed. It is established that the legal formalization of procedural relations goes through several stages, starting from regulation through disparate

© Минникес И. В., 2022

norms and ending with procedural codes. At the first stage, regulation is decentralized, procedural norms are dispersed in the texts of different sources of law and mixed with substantive law prescriptions. At the second stage, the stage of “polarized” law, procedural norms are concentrated mainly in the normative acts of the state, for example, *Sudebniki*, supplemented by the norms of other acts and sources of law. But as before, procedural prescriptions were mixed with substantive law in these acts. The third stage is the stage of centralized legal regulation. At the third stage, the regulation of procedural relations is completely monopolized by the legislator. Targeted procedural acts were adopted, for example, “A brief image of the processes or lawsuits” of 1715. The final, fourth stage is characterized by the adoption of codified procedural acts, in particular, “Laws on Judicial proceedings and civil penalties” and “Laws on Judicial Proceedings in cases of crimes and Misdemeanors”, which were included in the Code of Laws of the Russian Empire, and since 1864 — independent Civil Proceedings and Criminal Proceedings Charters.

Keywords: sources of law, history of law, history of Russian law, procedural law, legal proceedings, process

For citation: Minnikes I. V. Formation and development of legal regulation of procedural relations in Russia from the X to the beginning of the XX century: sources of law, periodization. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 3 (59), pp. 18—24. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-3-18-24>.

Введение. Решение вопросов, связанных с источниками (формами) права, занимает умы исследователей на протяжении многих лет. Помимо теоретико-правового аспекта, данная проблема вызывает интерес и с точки зрения юридической практики. В частности, практическую значимость имеет решение вопроса о том, как правоприменитель должен реагировать на предписания, изложенные не в общеизвестных и широко используемых источниках права. Так, в нашей стране, как и во многих других, господствующее место в настоящее время занимает нормативный правовой акт. Обязательность изложенных в таком источнике норм права не вызывает сомнений у правоприменителя. Но обязательные предписания могут быть оформлены и в иных источниках, например, посредством правовых обычаев или судебных прецедентов. Будет ли такого рода предписание считаться правовым? Может ли правоприменитель руководствоваться ими? Еще один важный момент, также диктуемый практическими соображениями: в случае коллизии норм, зафиксированных разными источниками права, какая из норм является приоритетной? Если иерархия законодательных актов установлена официально и в обычных условиях трудностей по разрешению коллизий не вызывает, то в случае, когда нормы одного источника права противоречат нормам другого источника, регулирующим те же отношения, решение не всегда лежит на поверхности.

Перечисленные выше, а также многие другие проблемы, связанные с источниками права, становятся еще более сложными, если посмотреть на них с историко-правовых позиций. Современному праву свойственна определенность,

по крайней мере, в отношении системы официально признаваемых государством источников права, а вот диахронное сравнительно-правовое исследование дает картину весьма изменчивого состояния источников, причем некоторые в настоящее время уже совсем утратили значение для права, а другие, наоборот, прошли длительный путь от зарождения до современного состояния и вполне способны развиваться в будущем.

Поскольку вопрос о развитии источников права затрагивает огромный круг отношений, данное исследование будет ограничено российским правом и правовой регламентацией лишь той сферы, которая в Русском государстве имела общее название «суд». Раскрывая значение этого термина, следует пояснить, что поскольку о «процессуальном праве» в полном смысле слова можно говорить лишь к XIX веку, предметом исследования будут нормы, регулирующие вопросы процесса, а конкретнее — все, что связано с досудебной деятельностью, судоговорением, доказательствами и т. д.

Целью исследования является не содержание процессуальных норм, а их форма, соотношение различных источников, их влияние на процессуальные отношения в государстве, формирование системы источников процессуальных предписаний.

Особое внимание уделено обоснованию и характеристике авторской периодизации истории правового регулирования российского процесса.

Следует оговориться, что предложенная автором периодизация не совпадает с той, которая чаще всего используется для отражения эволюции российского государства и права

в целом. Но, как представляется, это вполне объяснимо, учитывая, во-первых, ракурс и целевую направленность исследования, во-вторых, существенную степень обобщения, которая свойственна периодизации общей, тем более, что она широко используется в учебных изданиях, но не общепризнанна в научной литературе.

Методологические основы исследования. В основе исследования лежит диахронный сравнительно-правовой метод, позволяющий выявить и проследить эволюцию источников процессуальных норм права на протяжении длительного времени через призму современной системы источников права, установить сходные черты и отличия правовых явлений в границах одного государства, но на разных этапах его развития. Формально-юридический метод, использованный в работе, позволяет опираться на категории, разработанные юридической наукой, для оценки явлений прошлого. Ряд выводов сделан на основе герменевтического подхода, способствуя уяснению смысла правовых предписаний, заложенного в них законодателем. Кроме того, в работе использован диалектический подход, который учитывает, что правовая регламентация процессуальных отношений прошла длительный путь эволюции от отдельных норм, рассредоточенных по разным источникам права до полноценной систематизации в статьи кодифицированного акта.

Хронологические рамки исследования. Вопрос о формах (источниках) права, регулирующих процессуальную сферу отношений рассматривается в хронологических рамках X—XX веков. Нижняя граница исследования имеет ориентиром образование Русского государства и появление первых более или менее достоверных сведений о порядке «суда», пусть и в соответствии с обычаями. Окончательное упорядочение правовых форм процесса можно датировать второй половиной XIX века, временем принятия и введения в действие Уставов судопроизводства, фактически представлявших собой процессуальные кодексы, действовавшие, пусть и с коррективами, до революции. По этой причине верхняя граница исследования определена началом XX века.

История правового регулирования процессуальных отношений. Как ранее указано, правовая регламентация процессуальных отношений осуществлялась с помощью различных источников права и прошла длительный путь от отдельных разрозненных норм до полноценной систематизации в статьи кодифицированного акта. В данном исследовании предлагается

разделить историю развития процессуальных норм на четыре этапа в соответствии с особенностями их воплощения в источники права.

Первый этап (X — середина XV вв.). На первом этапе правовая регламентация процессуальных отношений осуществляется с помощью совокупности децентрализованных, «точечных» норм, которые дополняются правилами иных социальных регуляторов, например, религиозными.

Относительно процессуальных норм можно отметить, что в данный период принято несколько актов (их с оговоркой можно сравнивать с нормативными правовыми актами), в которых они включены в содержание наряду с нормами, регулируемыми другими стороны жизни.

В частности, регламентация вопросов суда и досудебных действий, доказательств и их оценки составляет часть текста любой редакции Русской Правды (в частности ст. 18—22, 29, 31 и др. Троицкого списка Русской Правды), Псковской Судной грамоты (например, ст. 2—6, 9—14 и др.).

При этом процессуальные правовые нормы нельзя рассматривать как исключительную юрисдикцию княжеских актов. Хождение имеют процессуальные предписания иных источников права — обычаев, нормативных договоров и др.

Хотя вполне объяснимо, что «у нас мало источников, по которым можно судить о древнерусском обычном праве» [1, с. 19], тем не менее наличие в нем норм «в какой-то мере» процессуального права общепризнанно. Так, братчины, представленные в Псковской Судной грамоте как субъекты с судебными полномочиями, являются правопреемниками языческих обрядовых трапез [2, с. 746], то есть восходят к обычаям. По наблюдениям А. Е. Преснякова, «из общего строя обычаев, какими определялось обычное течение древней общественной жизни, те приобретают правовой характер, назначение которых охранять личность и имущество членов общества... [3, с. 438]. Автор справедливо указывал, что эта группа обычаев может быть объединена единым наименованием с широким значением — «суд».

В. О. Ключевский считал, что «для княжеского суда XI-го века не нужна была писанная Правда: во-первых, еще крепко было право обычное, которым руководился князь или его судья» [4, с. 103—104]. Автор привел конкретный пример: в Русской Правде «нет и следа одной важной особенности древне-русского судебного процесса, одного из судебных доказательств —

судебного поединка, *поля*. Между тем мы знаем, что поле практиковалось как до Русской Правды, так и долго после нея... Почему Правда совсем не знает этого важного судебного средства, к которому так любили прибегать в древних русских судах? Она знает его, но игнорирует, не хочет признавать. Находим и объяснение этого непризнания. Церковь немолчно проповедывала против судебных поединков как остатков язычества: но долго ее усилия оставались безуспешными» [4, с. 98—99].

Не менее важным источником процессуальных предписаний служили нормативные договоры. Так, в договоре Руси с Византией, датированном 911 годом, сразу за перечислением имен договаривающихся сторон и уверений в дружбе следует статья о доказательствах в процессе: «... обвинение, содержащееся в публично представленных (вещественных) доказательствах, будет признано доказанным; если же какому-либо (доказательству) не станут верить, то пусть присягнет та сторона, которая домогается, чтобы ему (доказательству) не доверяли; и когда присягнет, согласно своей вере, пусть наказание будет соответствовать характеру преступления».

Кроме того, вопросы суда решались и посредством норм из религиозных текстов, хотя на ранних этапах, во времена Владимира и Ярослава, по мнению В. О. Ключевского, порядок судопроизводства был основан на разграничении понятий преступления и греха [4, с. 118].

Особенность данного этапа состоит, во-первых, в многочисленности норм разных источников права и возможности коллизии процессуальных предписаний разных источников. Анализируя влияние обычаев, М. Ф. Владимирский-Буданов обращал внимание на то, что «государственное» (в контексте «исходящее от государства») право и обычаи могут не совпадать: «летописи и другие однородные источники сообщают с одинаковой объективностью как факты, вытекающие из права, так и нарушающие его...» [5, с. 110], а В. К. Цечоев обозначил их соотношение как «конфронтацию» [6, с. 20] При этом нельзя с уверенностью утверждать, что преодоление коллизии всегда идет по пути приоритета именно «государственных» норм.

Во-вторых, своеобразие данного этапа состоит в универсальном содержании источников, то есть нормы процессуальные вкраплены в тексты наряду с нормами, регулирующими семейные, гражданские, налоговые вопросы. При этом они могут образовывать комплекс правил,

соседствующих друг с другом, а могут стоять обособленно, даже внутри комплекса норм иной направленности. Например, статьи 35—39 Русской Правды образуют единый комплекс, основная тематика которого — процесс поиска недобросовестного приобретателя вещи — свод. И наоборот, предусмотренный статьей 29 процессуальный вопрос о порядке доказывания факта избиения внесен в комплекс материальных предписаний, защищающих жизнь и здоровье человека.

Кроме того, нормы, регулирующие процессуальные вопросы, довольно часто излагаются в тексте неразрывно с материальными нормами. Например, в статье 31 Русской Правды материальное право объединено с процессуальным: «Если человек пихнет человека от себя или к себе или ударит по лицу, или палкой ударит, то (платить) 3 гривны штрафа, если будут выставлены два свидетеля, но если (побитый) будет варяг или колбяз, то свидетелей вывести сполна и пойти к присяге. В Псковской Судной грамоте значительно больше статей имеет строго процессуальное содержание, однако практика соединения материальных и процессуальных предписаний все-таки продолжена.

Исходя из сказанного, данный этап идентифицируется как период децентрализации, характеризующийся наличием разрозненных процессуальных норм, рассредоточенных в текстах источников, не образующих иерархическую систему и смешанных с предписаниями непроцессуального характера.

Второй этап (конец XV — XVII вв.). Второй этап развития правового регулирования процессуальных отношений можно обозначить как «поляризованное» процессуальное право. Точкой отсчета нового этапа можно считать принятие Судебника 1497 года и реновации процессуальных норм в последующих Судебниках 1550 и 1589 годов.

Формирование единого государства, укрепление власти московского правителя отразились на характере правового регулирования всех сфер общественной жизни. Но процессуальные отношения как одно из важных направлений воздействия власти на население стали предметом особого внимания государства. Если на первом этапе трудно обозначить приоритет какого-то конкретного вида актов, то с XVI века акты государя уже выделяются среди иных источников и приобретают значение ориентиров для иных правовых форм. В сфере процессуальных отношений это место уверенно держали именно судебники. Даже их наименование —

судебники — подчеркивало, что «суд» является основным полем правового воздействия норм данных актов. По замечанию В. К. Случевского, «законодательство того времени создало Судебники 1497 и 1550 годов с содержанием, если не исключительно, то преимущественно процессуальным» [7, с. 2].

Таким образом, официально были сформированы массивы процессуальных норм приоритетного характера, игравшие роль полюса, к которому тяготели нормы иных актов и источников.

В контексте процессуальных отношений полюсами были вначале Судебники, а позднее — Соборное Уложение 1649 года. По замечанию В. К. Случевского, не только Судебники, но и Уложение 1649 года «было законодательным актом, вмещавшим в себе постановления преимущественно процессуальные» [7, с. 2]. Действительно, не только глава X «О суде», но и множество статей других разделов данного документа (например, гл. XIV, XV, XX и др.) содержали предписания процессуального характера — о крестном целовании, о пытках и «расспросах» и т. п.

Однако говорить не только о систематизации, но даже о централизации правовых норм в определенных актах было бы неверно. Ни статьи Судебников, ни содержание Соборного Уложения не охватывали весь круг процессуальных вопросов и не исключали существования множества иных актов и источников права, так или иначе дополняющих или даже корректирующих содержание основных актов, тех самых «полюсов» законодательного воздействия.

Например, практически сразу после Судебника 1550 года были приняты такие акты, как Указ об установлении срока для взыскания долга и об отдаче ответчика «головой» истцу до уплаты долга 1555 года, Приговор о губных делах 1556 года, Указ о неприведении в исполнение смертной и торговой казни в дни церковной службы «большой панихиды» 1559 года, спустя некоторое время — Приговор о лжесвидетельстве и ложных исках 1582 года, вслед за более поздними Судебниками 1589 года и не всеми признаваемого Сводного Судебника царя Василия Шуйского — Вторая указная книга Разбойного приказа 1616—1617 годов, Указ о том, в какие часы дня приводить к крестному целованию 1620—1622 годов, недолго после Соборного Уложения, в 1651 году — Боярские приговоры «О правеже на обвиненном истце, или ответчике проестей и волокит по гривне на день, с начала суднаго дела и по решение онаго», «О допросе меняющихся поместьями, с рукоприкладством»;

грамота «О сборе пошлин по решенным делам, и о присылке оных в Розряд» и др.

Помимо нормативных актов, в регулировании процессуальных вопросов участвовали и нормы иных источников права. В частности, вопрос клятве как доказательстве в процессе и лжеприсяге решался как с помощью светского права, так и посредством религиозных текстов; в крестьянских общинах за некоторые виды деяний вместо официального «суда» сохранялась практика расправы по обычаям. Определенную роль играли и нормы, оформленные нормативными договорами. В частности, посредством договора был регламентирован вопрос о судопроизводстве по делам иноземцев, неправильно титуловавших российского государя («Договорные статьи, учиненные в Варшаве между Дворами Польским и Российским» (1650)). Однако, в отличие от первого этапа, их роль в решении дел значительно сократилась.

Таким образом, отличительная черта источников процессуального права на втором этапе — это приоритет актов, исходящих от государства, сосредоточение значительного массива процессуальных норм в одном конкретном акте, выполнявшем роль «полюса», дополняемого и корректируемого нормами иных актов и источников права. Однако содержание актов-«полюсов» не ограничено процессуальными предписаниями, представляя собой комплекс норм как процессуальной, так и иной направленности.

Третий этап (XVIII — первая четверть XIX в.). Третий этап — это период централизованного правового регулирования и официального ограничения неправовых форм процесса.

На данном этапе основная роль в правовом регулировании процессуальных отношений отводится конкретному закону. Важнейшими из них можно считать именной указ от 21 февраля 1697 года «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» и, в особенности, «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 года.

Указ 1697 года можно назвать моноцелевым. Он регулирует исключительно вопрос о судопроизводстве. Правда, непосредственно течению процесса в документе уделено мало внимания, основной акцент сделан на доказательствах. Зато следующий акт («Краткое изображение...») подробно расписывает судостроительство, виды процесса и стадии судебного разбирательства, начиная от «повещения» и заканчивая исполнением

или «уничтожением» приговора. Этот документ вполне можно рассматривать как стержневой акт, на основе которого в дальнейшем строился и корректировался процесс.

Обычай теряет значение юридически значимого. Если суд внутри сельских сообществ еще сохранял приверженность обычаям при решении мелких бытовых споров, то обращение за судебной защитой интересов на базе обычая невозможно. Согласно указаниям монарха, решения официальных властей должны основываться не на обычаях, а на положениях закона. Однако в том случае, если в законе имеется отсылка к обычаю, он может стать основой судопроизводства, но тогда речь идет уже о правовом, признанном государством обычае. Так, законодатель разрешил жеребьевку в споре наследников крестьянского двора и надела. Кроме того, государство допускало суд по обычаям народностей, населявших присоединенные территории.

Нормативные договоры редко вторгались в сферу внутригосударственных отношений процессуального характера, хотя иногда обстоятельства требовали этого: так, после длительного конфликта (причиной которого был отказ России казнить, по примеру Китая, русских членов банды, участвовавших в ограблении купца), был подписан кяхтинский договор 1792 года, который установил, что дело в отношении преступника-иностранца может рассматриваться судом другой страны без участия представителей.

Таким образом, на данном этапе практически все процессуальные вопросы решались исключительно посредством законодательства. Нормативные акты высшей власти стали господствующим источником процессуальных норм. Среди нормативных актов появились такие, которые занимали главенствующую позицию в правовом регулировании процессуальных отношений. Иные акты выполняли дополняющую и детализирующую функцию.

Четвертый этап (вторая четверть XIX — начало XX в.) Заключительным этапом развития правовой регламентации процессуальных отношений являлось принятие кодифицированных актов.

Первым опытом создания систематизированных целевых процессуальных актов можно считать Свод законов Российской империи. В нем данные акты были составной частью сложного материально-процессуального комплекса, включенного в отдельные тома Свода. Так, «Законы о судопроизводстве и взысканиях

гражданских» (процессуальные нормы) следовали в том же Своде законов за «Законами гражданскими», посвященными вопросам материального гражданского и семейного права. Том XV включал «Уложение о Наказаниях уголовных и исправительных» как источник норм материального права и «Законы о Судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», предусматривающие правила процессуального характера. Несмотря на общее с материальными нормами местоположение в томах Свода тем не менее процессуальные акты представляли собой автономное законодательство.

С 1864 года акты процессуального характера стали полностью самостоятельными законами — Уставом уголовного судопроизводства и Уставом гражданского судопроизводства, хотя часто обозначаются общим наименованием «Судебные уставы 20 ноября 1864 года». Тем не менее каждый Устав даже технически автономен от актов материального права и составляет фактически процессуальный кодекс.

Следует отметить, что данными актами законодатель постарался охватить максимально широкий круг процессуальных отношений — и вопросы подсудности, и досудебные действия, и непосредственное судоговорение в разных вариациях, и получение доказательств и порядок их оформления, и оценки, и т. п. Тем самым развитие правового регулирования процессуальных норм вышло на уровень моноцелевого нормативного акта государства, аналогичного современным процессуальным кодексам.

Заключение. Проведенное историко-правовое исследование дает основание выделить несколько типов регламентации процессуальных отношений, различающихся по степени концентрации процессуальных предписаний в законодательстве и возможности привлечения к правоприменению норм иных источников права. Установлено, что правовое оформление процессуальных отношений проходит несколько этапов от разрозненных норм и «точечной» регламентации к кодифицированному акту. Современное процессуальное право в принципе является прямым наследником той правовой регламентации следствия и суда, которая была сформирована законодательством четвертого этапа. Однако изменения как форм, так и содержания источников процессуального права в послереволюционный период существенно снизили уровень юридической техники, фактически обнулив достижения полутора-двух столетий эволюции правовой регламентации процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. тома В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
2. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1988. 783 с.
3. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
4. Ключевский В. О. Лекции по русской истории профессора московского университета В. О. Ключевского. Ч. 1. СПб.: тип. В. О. Киршбаума, 1902. 406 с.
5. Цечоев В. К. История суда России: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. 160 с.
6. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 640 с.
7. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 670 с.

References

1. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols / gen. ed. by O. I. Chistyakova. Vol. 1: The legislation of Ancient Russia / ed. by volume V. L. Yanin. Moscow: Legal literature Publ., 1984. 432 p. (In Russ.)
2. Rybakov B. A. Paganism of ancient Russia. Moscow: Nauka Publ., 1988. 783 p. (In Russ.)
3. Presnyakov A. E. Princely law in Ancient Russia. Lectures on Russian history. Kievan Rus. Moscow: Nauka Publ., 1993. 635 p. (In Russ.)
4. Klyuchevsky V. O. Lectures on Russian history by Professor of the Moscow University V. O. Klyuchevsky. Part 1. St. Petersburg., tip. V. O. Kirshbaum, 1902. 406 p. (In Russ.)
5. Tsechoev V. K. History of the Court of Russia: studies. Stipend. Moscow: Prospect Publ., 2010. 160 p. (In Russ.)
6. Vladimírsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Rostov-on-Don: Phoenix Publ., 1995. 640 p. (In Russ.)
7. Sluchevsky V. K. Textbook of the Russian criminal process. St. Petersburg: type. M. M. Stasyulevich, 1913. 670 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Минникес — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. V. Minnikes — Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 16.07.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 16.07.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.